

Макар Файтцев

**ДАВАЙ ДРУГ ДРУГА
ОТПУСТИМ**

УДК 82-3
ББК 84
Ф12

Ф12 **Файтцев М.**
Давай друг друга отпустим / Мака́р Файтцев – М.: Литнет, 2025. – 348 с.

ISBN 978-5-521-93536-9

Роман-воспоминание, роман-рассуждение, роман-параллель: первая неопытная любовь и любовь возрастная.

Как это важно - отпустить прошлое, чтобы оно не стучалось на подкорку, не навредило грусть, не доставало скелеты из шкафа. Да и сам шкаф пора на свалку. Прошлое не изменить. Его надо принять, простить, сказать "спасибо" и научиться с ним жить.

– Ты до сих пор любишь его? Да? Но знай, я тебя не отпущу. – он сжал кулаки, сдерживая себя, чтобы не наброситься на этого испуганного хлюпика, сидящего за стойкой администратора.

– Колчак, ты опять с шашкой на коне всю ночь гонялся за призраками прошлого? Я человек не гордый, повернись и уйду, – она с усмешкой посмотрела на супруга.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93536-9

© Литнет, 2025
© М. Файтцев, 2025

Часть 1

Глава 1. Наши дни. Бюро детективного агентства «Свинка-Маринка»

*Давай друг друга отпустим,
Как птиц отпускают из клетки,
Дверцу открыл и ... пусто,
Только качнулись ветки...*

**Тамара Шульга.
(1949-2014), БАМовская поэтесса
12.05.79 газета «Авангард»**

Ещё ноябрь. Но столбик термометра упорно приближался к отметке минус тридцать. Ещё не поздно, всего начало седьмого вечера, но за окном уже расправил свои крылья сиреневый вечер.

В коридорах стоит спокойная тишина. Почти все ушли домой. Только в одном кабинете горит приглушённый свет.

За длинным столом прямо по центру, подогнув под себя одну ногу, сидит женщина. Вернее, она нависла над разложенными в беспорядке листами бумаги, грызёт карандаш, которым время от времени что-то чиркает.

Внезапно отворяется дверь, и яркий свет коридора нагло врывается и разрезает полутень. На его фоне появляется тёмный мужской силуэт.

– Между прочим, я женился, чтобы жена меня дома ждала с пирогами и компотами., – говорит он. Но в его голосе нет раздражения.

– Видели очи, что хапали, – отвечает ему женщина, не отрывая глаз от бумаг.

– Колчак, можешь отправляться домой и начать подготовку к встрече супруги. Так и быть, от пирогов я тебя освобождаю, а вот от... – наконец, она поднимает глаза и смотрит на него.

– Понял., – мужчина широко улыбается, но не уходит, а, наоборот, делает шаг вперёд, закрывает за собой дверь. Кабинет снова погружается в интимный полумрак.

– Коровкин, ты старый пошляк. Господи, и за какие такие грехи мне на старости лет достался такой неугомонный мерин, – деланно вздыхает женщина.

А у самой душа замирает и медленно опускается туда, откуда начало берёт сама жизнь. Там она, то есть эта самая душа, скручивается тугой пульсирующей спиралью. Пальцы на ногах невольно подгибаются. Женщина сожалеет, что она не босиком. Модные сапоги не дают свободы движений. Непроизвольно она опускает ногу, на которой сидела, крепко сводит бёдра, напрягает ягодицы, отчего пульсация увеличивается.

Мужчина ленивой грацией подходит к женщине. Она следит за ним глазами, насколько это возможно. Но вот его рука скользит по плечу, широкая горячая ладонь обхватывает полушарие.

Пульсация становится невыносимо сильной.

– Василий Петрович, – стонет она, – вообще-то, я на работе.

– Тем интереснее, – его губы совсем рядом. Его аромат действует на неё сильнее афродизиака. Ей хочется откинуться назад, но дух противоречия заставляет её сжаться сильнее.

– Свинка-Маринка, я целый день мечтал о тебе, – выдыхает он ей в макушку.

Она поворачивает голову, прикрывает глаза. Он поглаживает языком её губы, выдыхает в рот: «Сейчас и здесь».

«Увидят», – шепчет она между поцелуями, прогибаясь в пояснице и опираясь на спинку стула.

«Пусть завидуют», – отвечает он и вторгается в её рот своим языком, давая понять, что разговоры окончены.

Его руки ласкают тело. Она сама не замечает, как поворачивается к нему корпусом, как облегчённо вздыхает, когда ничто больше не давит на талию.

Его пальцы проникают под кромку плавок, дразня и лаская. А ей уже хочется, чтобы он заполнил её. Но он не торопится. Он прижимает её к себе, и ей в живот упирается твёрдый, словно стальной, бугор. А он тем временем сжимает с силой её ягодицы.

«Бумаги, только не на бумаги», – стонет она, расстёгивая ремень на его брюках. Скользит собачка от молнии ширинки. Её рука ныряет в расщелину. Она находит то, что скрыто под нежной, словно бархатной, кожей. Обнимает и начинает тихонько манипулировать.

– Марина, кончу прямо себе в штаны, – скрипит он.

– Вот и узнаешь, каково это в сыром ходить, – не остаётся она в долгу, но тут же вскрикивает и закусывает губу.

Он сам расстёгивает свои брюки, перехватывает её руки и разворачивает женщину к себе спиной.

– Вот теперь мы и посмотрим, кто и что узнает, – шепчет он, прижимая её одной рукой к столешнице, а другой спуская с неё нижнее бельё...

Она крепилась как могла, чтобы не кричать. Стиснув зубы, стояла, молила закончить. Всё-таки это рабочий кабинет. Но Василий был неумолим. Он доводил её своими ласками до изнеможения, до потери контроля над собой. Наконец, она сдалась и закричала. В голове вспыхнул фейерверк.

Одевал её тоже он. Медленно, словно смаковал каждое движение.

– Василий Петрович, а дома-то чем займёмся? – шутя спрашивает она, признавая в душе, что на рабочем столе ощущения ярче, потому что запретное.

– Ты сядешь в кресло-качалку и будешь вязать мне носки, – отвечает он и целует её в живот, запуская орду мурашек. Потом поднимается с колена, поправляет свитер и снова прижимает к себе:

– Ты мне подарила вторую молодость, моя любовь.

– У нас нет кресла-качалки, – отвечает она, пряча своё счастливое лицо у него на груди. С ума сойти, кто бы мог подумать, что и в пятьдесят секс может быть таким звёздным. Да ладно бы с молодым любовником. С мужем, который на десять лет тебя старше. Вот уж истинна поговорка: «Седина в бороду, бес в ребро».

– Поехали в ресторан, поужинаем. С того времени, как женился, забыл, что такое домашняя кухня, – мужчина подходит к шкафу, открывает и достаёт её парку.

– Марина, давай купим тебе шубу. Какую хочешь! Я хочу, чтобы моя жена была самая шикарная.

– Колчак, вот каким ты был показушным, таким и остался. Зачем мне шуба? На плечо сумку не повесь, не говоря уже о рюкзаке. Я всю жизнь носила удобную и практичную одежду.

– Когда-то же надо менять привычки, – усмехается он. Она ещё не знает, что он уже заказал ей шубу в подарок на Новый год. Шикарную, по индивидуальному дизайну.

– Ты вот, с твоих же слов, до пятидесяти лет фригидной была. А сейчас ничего, так себе, горяченькая.

– Что значит, горяченькая? – она хмурится, но не сердится. Она точно знает, что они перестанут подтрунивать да подкалывать друг друга только на смертном одре.

– А сам-то, наверно, наглотался виагры, вот и стоит нон-стоп. Ладно, вези в ресторан. Кстати, хотела спросить, а где твоя домработница, та, что готовила? Тётка она, конечно, мрачная, но готовила уж однозначно лучше меня.

– Так, у нас по графику медовый месяц вообще-то, я её и отпустил. Я же не знал, что моя благоверная решила его на работе провести.

Марина гасит свет. Выходит из кабинета, закрывает его на ключ. Кабинет находится на втором этаже пятиэтажного здания советской постройки. Кроме, её детективного агентства «Свинка-Маринка» здесь располагаются салоны красоты, юридические и бухгалтерские фирмы, дизайнерские и компьютерные агентства и ещё много всяких нужных и полезных микро и макро предприятий.

Василий Петрович ждёт, пока супруга перепроверит, хорошо ли закрыта дверь, возьмёт его под руку.

Они спускаются на первый этаж.

За стойкой администратора сидит пожилой мужчина. Свет от лампы отражается в его морщинистой лысине, обведённой редкой порослью седых волнистых волос. Он смотрит на экран компьютера. Рядом стоит второй экран, разделённый на множество квадратов.

При виде пары мужчина подскакивает, поворачивает голову, улыбается. Его усы раздвигаются, приоткрывая зубы. Лицо изборождено возрастом. Над глазами нависают кустистые брови, под которыми теряются веки. Кажется: что есть глаза и сразу брови. Нос с горбинкой.

– До свидания, Василий Петрович. Говорят, что вы здесь офис открыли, детективное агентство.

– До свидания, Рафик. Сегодня твоя ночная? Вот, познакомься, моя жена, Марина Вячеславовна. Это её агентство. Кабинет поставь на сигнализацию, пожалуйста. Пойдём, Марина.

Марина смотрела на этого старого мужчину и вдруг удивлённо произнесла:

– Рафик? Ты?

– Что, постарел? – как-то усмехнулся он, – а ты не изменилась совсем.

Глава 2. Наши дни. В коттедже

*Как птица на взлёте – навывлет
Пробита тоской твоих глаз.
И, кажется, должен быть выход,
Да только, увы, не для нас...*

*Тамара Шульга
12.05.1979 газета «Авангард»*

Эти стихи впервые увидели свет, когда она ещё училась в начальной школе. Но Марина хорошо помнит тонкую потрёпанную книжицу своей любимой поэтессы. Эту книжицу ей подарил случайный попутчик. Сказал, что дали в нагрузку. Стихи пришлось юной влюблённой Марине по сердцу. И она носила их всегда с собой, словно молитвы повторяла про себя. Многие из них в те годы она знала наизусть. Сами запомнились.

Сейчас на память приходили лишь отдельные строчки. «И, кажется, должен быть выход...»

– О чём задумалась? – Василий сжимает руку Марины.

Они сидят на заднем сидении его внедорожника. За рулём – водитель. Ему, Василию Коровкину, бизнесмену и меценату, иметь водителя полагается по статусу.

Она не отвечает, не готова к откровенности. Да и не уверена, нужно ли ворошить прошлое. Узнал её Рафик, и что из этого следует? Прошло почти тридцать лет. «Да только, увы, не для нас...» Всё-таки какая-то необъяснимая тоска сжимает её сердце. Был ли тогда выход? Стоит ли жалеть о том, что тогда произошло? Ведь поросла память колючей ежевикой. Лучше не трогать, чтобы не кровило.

– Василий Петрович, – мнётся водитель, – я хотел отпроситься у вас сегодня. Жена просила.

– А чего молчал? – строго спрашивает Коровкин. Он не любит, когда подчинённые сообщают о своих планах в последний момент. Привыкли, что он не вредничает. Вот и забываются.

– Простите, я думал как всегда. Довезу вас после работы и буду свободен.

– Я плачу тебе не за то, чтобы до дому и свободен, а чтобы был под рукой в любое время дня и ночи.

– Борис, – Марина вмешивается в разговор мужчин. Это не её подчинённый. К звёздному положению своего нового мужа Василия Петровича Коровкина, в прошлом криминального авторитета Колчака, она ещё не привыкла. – Я сама довезу вашего шефа, если он не в состоянии будет после ужина за руль сесть.

Она видит, как хмурится муж, но не перебивает, не ставит её на место.

– А вы справитесь? – осторожно спрашивает водитель, – Гололёд всё-таки.

– Тебе напомнить, как она мастерски угнала эту самую машину? – усмехается Коровкин.

– Ладно, можешь быть сегодня свободен. Скажи спасибо Марине Вячеславовне. Но чтоб в последний раз.

– Борис, только бить челом и падать ниц не надо., – и она поворачивает своё лицо к Коровкину, улыбается одними губами и приподнимает брови. Ей хочется казаться беззаботной, но у неё это плохо получается.

Не выходка водителя напрягает Василия. Проблемы по бизнесу? Но во рту ещё стоит вкус его губ. Не смог бы он так отдаваться любви, если бы были проблемы. Что-то другое его терзает.

Дом, в котором жил Борис, находился по дороге в ресторан. Василий Петрович не стал вредничать и высадил сперва водителя, а потом повёз свою благоверную.

В ресторане, как обычно, былолюдно. «Нам отдельную кабинку», – бросает коротко Коровкин.

– Василий Петрович, без предупреждения. Все кабинки заняты, – поспешно отвечает ему администратор.

– Значит, в кабинете Антоши накроешь., – Коровкин злой. И, похоже, не собирается злость скрывать. Вот оно, криминальное прошлое, прорвалось всё-таки.

– Ещё вопросы?

– Василий Петрович, пожалейте. Не знал я. Знал бы, придержал., – лепечет администратор.

Марина стоит в сторонке. Она не вмешивается в разговор. Но ей совсем не нравится поведение мужа. Некоронованный король. Ишь ты. Ничего, если не успокоиться, повернётся и уйдёт. Не привыкать. А его она не боится.

– Послушай, кажется, я предупреждал, что для меня кабинка всегда должна быть свободна. Кому сдал? Говори, – ноздри Коровкина раздулись.,

– Напомнить, где твоё место?

– Вася, на минутку отойдём, – Марина дёргает его за рукав.

– Пока я с женой беседую, освободил кабинку. Понял? Или у Антоши.

Василий Петрович, недовольно хмурясь, выходит на крыльцо, следом за Мариной.

Под ногами хрустит ещё не утрамбованный снег. Морозец щиплет за щёки. Холодный воздух, минуя нос, сразу попадает в лёгкие. А над головой в струящемся воздухе на тёмном без единого облачка небе ярко горят звёзды.

– Вася, послушай меня, – Марина стоит совсем рядом. Пар, выходящий из её рта, размывает очертания лица Коровкина.

– Ты сюда приехал барином побывать? Давай-ка этот спектакль без меня разыгрывай. Мы хотели поужинать. Либо мы садимся, где есть место, либо едем домой. Сосиски я сварить сумею.